

«В романе «Доктор Живаго» выражено отрицательное отношение к революции и неверие в возможность социального преобразования общества».

(БСЭ, 3 изд., т. 19, стр. 270, 1975 г.)

ОДНАЖДЫ я понял, что разучился читать. Вернее, читать и видеть. Я вдруг поймал себя на том, что выискиваю в книгах, захлестывающих нас сейчас как будто вновь, в книгах, ранее как будто существующих и как будто бы нет, — чаще всего одно интересующее меня содержание. Точнее, одну фактическую, открываемую мне сейчас запоздало, сторону. И что мне почему-то особенно важно: о чем этот роман, эта повесть, этот рассказ? Существует ли в них что-либо, мне, торопливо любопытствующему читателю, до сей поры неизвестное?

А в них, естественно, существовало и существует... И — много. Очень много. Разного. Неизвестного.

Такое отношение к новому, не прочитанному до поры, не казалось странным. Воспитанные на водопадах пустословия, мы кинулись к документам, воспоминаниям, мемуарам. К документальному содержанию книг. Факты, факты и факты спешно выискивались во всем прочитанном. Только они.

И вдруг... С той же скоростью нетерпеливого неопита, допущенного к наконец-то допущенному, рванулся в какой-то час вместе со всеми к «Доктору Живаго». Прочитал, пролетел, проскочил роман Пастернака и — осекся... Что-то было не то. Вернее, это было совсем не то. Совсем не та проза, к которой мы все давным-давно привыкли.

При всем спокойном течении неторопливого повествования — один к одному: проза XIX столетия! — это была удивительнейшая проза, требующая Моего — современнейшего — в ней читательского участия. Она «работала» лишь тогда, когда весь ряд жизненных историй Юрия Андреевича Живаго, описываемых событий, возродивших далеких лет накладывался на наше большее знание о них. И еще тогда, когда за строками романа, при внимательном нашем пригляде, мы начинали различать, угадывать, «дочитывать» сложную внутреннюю биографию самого Бориса Пастернака.

Неправомерно сравнивать прозу поэта с прозой прозаически пишущих литераторов. Но мы — сравниваем. Окружаем прозаическими рамками. И — поэтому — не понимаем...

Борис Пастернак подходил к этой прозе всею жизнью. Стремясь выразить себя самого. Рассказать не столько о событиях, но — о себе в них...

ВЕЧНАЯ московская толчея на улице Кирова. Неостановимый поток сверкающих машин. Улица Кирова — бывшая Мясницкая. Когда-то по ней пролетали извозчики. Так же, как сейчас машины, притормаживая, чтобы пропустить на перекрестке возле почтамта, напротив углового здания училища живописи, ваяния и зодчества, извечно торопящихся пешеходов.

Это сюда в своем детстве выбежал задыхающийся, бледнеющий от восторга после только что услышанной музыки, от невысказанной еще любви к ней и к нему, человеку, ее сотворившему, тоненький мальчик, Боренька Пастернак. Но Скрябин, друг их дома, их сосед в зелено-летние загородные дни, их гость на Мясницкой, где жили тогда, уже ушел... Невысказанное же осталось. Не для того ли, чтобы потом рассыпаться снежно-искристым образным блеском по всем стихам будущего Пастернака?

И через музыку пришел он в поэзию. Музыка же — через него — в стихи. Его счастливо переполнено его детство. И не одного Бориса, а всех сестер, брата: Жозефины-Иоанны, Лидии, Александра.

В поднятой всегда крышке рояля, где в лаковой черноте отражалось то лицо Александра Скрябина, то его собственное, — чаще всего он видел лицо мамино. Розалия Пастернак — известнейшая пианистка Москвы. И это тоже истоки его поэзии, тоже — часть детства.

А ведь был еще в том детстве и отец — академик, художник Леонид Осипович Пастернак. Помнил ли поэт те дни из 1898 года, когда к его отцу обратился сам Лев Николаевич Толстой с просьбой стать иллюстратором «Воскресения»? Наверное. Должен был помнить... Ведь не одного дня такой труд. Не одного дня впечатления. Уже завершал все разрастающуюся «повесть» Толстой, рождался последний роман гениального писателя. Иллюстрировал его Пастернак-старший.

— Ах, как хорошо! — скажет потом об одном из рисунков — изображении судей — Толстой. — Ну, вы, Леонид Осипович, куда хуже меня, безжалостнее высмеяли...

Долгое было содружество. А 8 ноября 1910 года на станции Астапово именно Пастернак сделал первый набросок Толстого на смертном одре... В Астапово Пастернак-старший приехал с сыном Борисом.

Правда Восток — Ташкент — 1908. — 11 февр.

ДУХ ДОБРА

К 100-летию со дня рождения Б. Пастернака

НА СНИМКЕ: Борис Пастернак с женой Е. В. Пастернак и сыном Женей. Фотография М. С. Наппельбаума, сентябрь 1924 года. Репродукция И. ЗОТИНА (Фотохроника ТАСС).

Всего лишь через десять лет Борис Пастернак уверенно войдет в профессиональную литературу. Но детство — в нем навсегда... «Сколько бы нам потом ни набегало десятков, они бесильны наполнить этот ангар, в который они залетают за воспоминаниями, порознь и кучею, днем и ночью, как учебные аэропланы за бензином. Другими словами, эти годы в нашей жизни составляют часть, превосходящую целое, и Фауст, переживший их дважды, прожил такую же невообразимую, измеримую только математическим парадоксом».

Парадоксально и неожиданно много и во внешне спокойной биографии Пастернака. Вдруг оказывается, что высокий худощавый мужчина, проживший полвека сугубо штатский человек, «не от мира сего», «небожи-

тель» — отличный стрелок, один из лучших на военных учебных курсах. Это уже 1941 год. Немцы в полевые бинокли пытаются разглядеть московские купола. Быть может, мелькает за цейсовскими стеклами и та самая красно-кирпичная двенадцатитажка, на крыше которой, вздрагивая под стильным ветром и кутаясь в длинное пальто, дежурит, как сотни и сотни москвичей, будущий переводчик великого немца Гете, советский поэт Борис Пастернак. Его еще не называют классиком русской поэзии. Как не торопятся это сделать и потом. Даже после присуждения Нобелевской премии. Даже после смерти...

А он — автор хрустально чистых, стройных, строго отточенных, будто оговоренных классических стихотворений. Прозы. Автор поэм о революции, автор романа в

стихах. И — постоянно — переводчик. Сам Шекспир пришел бы к нам в ином облике, не прикоснись к нему перо и душа Бориса Пастернака.

И ВОТ эта душа не просто прикоснулась к роману «Доктор Живаго», пронизала его с первой прозаической фразы до последней стихотворной строфы, но осталась в нем, чтобы сохраниться навечно. Суть же этой души — неизмеримая огромная доброта. И это в книге о жестокости гражданской войны, о неудачной в общем-то любви, о людских судьбах, перемолотых исторической неизбежностью. Да и неизбежностью ли?

Ищет ответа доктор Живаго. Ищет ответа Пастернак. Но ни в том, ни в другом не всходит, не прорастает зерно ожесточения.

«Сколько горя и зла кругом, какими горами копится человеческое разоренье, сколько счетов, друг друга перекрывающих, прячет за пазуху человеческое злопамятство, сколько десятилетий должно будет уйти в будущем на их обоюдостороннее погашенье». Так напишет провидец Пастернак в одном из своих писем сорок первого года, когда по Москве покатались слухи о выселении целых народов на восток, куда-то далеко «за Ташкент».

Но так мог бы написать и Юрий Живаго. В году девятнадцатом или двадцатом...

Но ведь это и наши, сегодняшние, мысли. Ведь слишком часто реальная жизнь подвергает сомнению истину, что добро и красота — извечны, что справедливость, пусть когда-нибудь, но — восторжествует.

Подвергая сомнению, Пастернак, думаю, все-таки верил... Гуманистические идеалы — а им поклонялся, их исповедывал Борис Пастернак — пришли к нему не только из опыта всемирной истории. Уж в нее-то он проник достаточно глубоко: закончил классическую гимназию, потом, в 1913 году, философское отделение историко-филологического факультета Московского университета, учился на композиторском отделении консерватории, слушал лекции в Марбургском университете в Германии...

Это приходило к нему из самой жизни: «Все мы стали людьми лишь в той мере, в какой людей любили и имели случай любить». Так сказано им в «Охранной грамоте». А он ведь любил. И имел случай любить...

Поиск доброты в людях, больше — в мироздании, пожалуй, так и не закончен Юрием Живаго. Да и был ли он когда-нибудь кем-нибудь из живущих завершён?.. Тихую, незаметную смертью

героя остановлен роман... Но оставленная Юрием Живаго тетрадка со стихами — все же ответ. Не в них объяснение смысла добра, они сами — добро. Само их появление, несмотря ни на что, — проявление доброты, изначально заложеной в каждом человеке.

«Перед нами род автобиографии — автобиографии, в которой удивительным образом отсутствуют внешние факты, совпадающие с реальной жизнью автора», — скажет в предисловии к первой публикации романа в СССР Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Но если так, то последняя тетрадка со стихами — это исповедь и самого Бориса Пастернака. Мы еще не знали романа, но стихи из него были уже неотделимы от поэта Пастернака...

В 1957 году самая спорная и самая бесспорно важная его книга выходит на итальянском языке. За границей. В 1958 году — на русском, но — в Голландии.

В 1958 году Борису Леонидовичу Пастернаку за роман «Доктор Живаго» присуждена Нобелевская премия. Это триумф, мировая слава и — трагедия. Пастернак исключен из Союза писателей СССР. От премии же, под давлением обстоятельств, говоря мягко, — вынужден отказаться.

«...Но и так, почти у гроба, верю я, придет пора, силу подлости и злобы одолеет дух добра».

Как же еще близко к нам оно, то время, когда в человеке, противостоящем тебе, твоей истине, нельзя было и пытаться увидеть, открыть живое и человеческое... Тем более во всеуслышание сказать об этом, открыто.

«Небожитель» Пастернак оказался неожиданно земным реалистом, сумевшим неторопливо поведать о том, что произошло с людьми, с целой страной на смертельно-трагическом для многих изломе. И смог сделать это языком поэтической и суровой правды. И такого ему тогда не простили.

Он же принял в себя новую боль. И она тоже, не отболев, станет его поэзией.

Сегодня в подмосковном Переделкино, где Борис Пастернак жил, думал, писал, где он умер и похоронен, должен открыться мемориальный Дом-музей поэта.

Много людей станет приходить сюда. Быть может, придут и те, кто оставил этот дом в трудные для хозяина дни, кто испуганно обходил его когда-то стороной...

Простил бы их Пастернак?

Простил бы всех нас? ...Мы прочитали его. Теперь подошло время — перечитывать.

Ал. УСТИМЕНКО.